

Нет конца
ст.

В начале будущего года в издательстве «Советская Россия» выходит сборник избранной прозы Александра Солженицына, составителем которого и автором статьи о творчестве писателя является литературный критик Владимир Бондаренко. «Литературная Россия» предлагает вниманию своих читателей эту статью с незначительными сокращениями.

МЕНЯ всегда поражала прежде всего — неслучайность его судьбы. Я мог бы поспорить с утверждением самого Александра Исаевича Солженицына: «Страшно подумать, что б я стал за писателя (а стал бы), если б меня не посадили».

Предполагаю, что в любом случае — заверши он нормально войну, закончи любой институт — Солженицын вошел бы в русскую литературу не с помпезного входа, не как автор радужных миражей. Уверен, мы бы вместе с Некрасовскими «Окопами Сталинграда», с более поздними повестями и романами В. Астафьева, К. Воробьева, В. Быкова, Ю. Бондарева получили бы горько-правдивую мужественную прозу о войне Александра Солженицына. Уверен, мы бы вели отсчет нашей «деревенской» прозе не только от «Вологодской свадьбы» А. Яшина, «Вокруг да около» Ф. Абрамова, «Привычного дела» В. Белова, произведений С. Залыгина, В. Шукшина, В. Распутина, и не только от одного лишь рассказа Александра Солженицына «Матренин двор», на мой взгляд, давно вошедшего в русскую классику XX века, но и от других его произведений, посвященных трагедии русской деревни...

Думаю, в любом случае в творчестве Александра Исаевича Солженицына возобладали бы его собственный девиз — «Жить не по лжи».

И все-таки не случайно судьба выбрала именно его в летописцы лагерного архипелага. Не случаен его отказ от работы в привилегированной лагерной «шарашке», где можно было уберечься от лесоповала и золотых приисков, угольных шахт и «бамовских» дорожных работ — от судьбы народа.

Главное в творчестве А. Солженицына — глубоко национальная русская проза. Именно такой народный писатель оказался исторически необходим для рассказа о все-народном трагическом лагерном лихолетье. О чем бы он ни писал, он пишет о главном в судьбе народа. Он пишет чуть ли не документальные очерки (и у Матрены, и у Ивана Денисовича есть реальные прототипы), но уровень его художественного обобщения и выбор героя таковы, что мы читаем правду о самом народе. Правда отдельного заключенного, какой бы страшной она ни была, легко подводится под исключение, под трагическую случайность. Нам показывают — трагическую закономерность.

Так что если говорить о неслучайности судьбы Солженицына (не в смысле предначертанности испытаний, без коих он не стал бы писателем), то именно такому большому таланту и грузу ответственности перед народом выпал тяжелейший. Именно он со своим аналитическим даром, умением видеть главное должен был объяснить нам самим и потомкам нашим — как мы жили и почему мы выжили.

Его правда — это правда русского художника о своем народе.

Сегодня поражает еще и то, что его проза всегда вселяет надежду. Рассказывая о самом трагическом, он не дает нам потерять веру в жизнь. Его герои умеют радоваться обыкновенным земным мелочам даже находясь в кругу страданий. «Досталась им буханка светлого хлеба — радости! Подешевело молоко на базаре — радости! Оранжево-розово-ало-багряно-багровый закат — наслаждение!» — эти чувства сильных врачей в «Раковом корпусе» не осуждаются, не высмеиваются, а сопереживаются автором. Он в человеке всегда радуется человеческому. Ему не интересны позы героизма, мученичества, лагерного избранничества. Путь одиночек он оставляет другим писателям.

Солженицына всегда тянет к себе судьба обыкновенного человека. Нет, не опрошение пропагандирует он, не примитивный обряд жизни, а состояние внутренней свободы, состояние органичности человека везде.

Героям Александра Солженицына характерно чувство органичной слиянности со своим народом. Он дает меткие характеристики — иногда сочувственные, иногда скептические — избранникам, одиночкам, но всегда ему интереснее народные типы: Матрена, Иван Денисович, Костоготов. Даже Русанов ему важен как тип. Увы, на-

родный тип, достаточно характерный для наших дней.

Вообще русская литература XX века (при крайней обедненности по сравнению с веком XIX — в целом) дала новое качество народности — наибольшее сближение с народом на трагических его изломах. В. Белов, К. Воробьев, А. Солженицын... Не главная ли, не главнейшая ли правда о народе заключена в трех не таких уж и значительных по объему произведениях — «Один день Ивана Денисовича», «Это мы, господи!..» и «Привычное дело»... А все остальное, при всех подробностях, лишь дополнение к главной правде?

Это — наша стержневая словесность, и стержень ее — ненадуманная образность, вырастающая из самого народного быта. «К такому уровню... во внутреннем изображении крестьянства... стремились русские классики, но не достигли никогда: ни Тургенев, ни Некрасов, ни даже Толстой. Потому что — они не были крестьянами. Впервые крестьяне пишут о себе сами...» — так о прозе В. Белова, В. Астафьева, В. Распутина пишет Солженицын.

Осмелюсь отнести эту характеристику и к творчеству самого Солженицына. Внутренний мир его Матрены и Ивана Денисо-

воинскими лагерных «придурков», так и не познавших ни дня «общих работ», сегодня переполнены наши журналы. А настоящую правду о лагерном архипелаге мы узнаем, знакомясь с жизнью Ивана Денисовича.

Публикация «Одного дня Ивана Денисовича» в одиннадцатом номере «Нового мира» за 1962 год, на мой взгляд, стала вехой в истории русской литературы XX века. Уровень правды в нем такой, считал Александр Твардовский, что после этого писать, будто «Ивана Денисовича» не было, — невозможно.

Кроме «Одного дня Ивана Денисовича», в шестидесятых годах в «Новом мире» были опубликованы рассказы «Случай на станции Кречетовка», «Матренин двор», «Для пользы дела», «Захар-Калита». Еще несколько «крохоток» в «Семье и школе» и статья о засорении русского языка в «Литературной газете». Набирался в «Новом мире» и «Раковый корпус», но... верстка была рассыпана. Все остальное увидело свет за рубежом.

В 1970 году Александр Солженицын был удостоен Нобелевской премии по литературе. В 1974 году в связи с выходом «Архипелага ГУЛАГ» был выслан за границу. Живет в США, в штате Вермонт, природа которого напоминает Солженицыну российскую среднюю полосу.

нет... Я думаю, что последняя возможность моему поколению написать...

Я бы позволил себе поспорить с таким распространенным в русской литературе мнением, что если пишется легко, «для художественного удовольствия», то писатель не оправдывает своего предназначения, своего гражданского долга. Один лишь пример: «История Пугачева» и «Капитанская дочка» — что важнее для нас, что важнее для нравственности народной?

Не для того задаю я этот вопрос, чтобы хоть как-то принизить всемирное значение «Архипелага ГУЛАГ», — для того, чтобы не умили, а возвысить эти «для художественного удовольствия» написанные, небольшие по объему, но глобальные по значению в нашей литературе — «Один день Ивана Денисовича», «Матренин двор», «Раковый корпус»...

Во-вторых, эти произведения в каком-то смысле автобиографичны. В них прослеживается жизненный путь автора, его судьба. Образ Ивана Денисовича, — указывал автор, — сложился из солдата Шухова, воевавшего вместе с автором в советско-германскую войну... общего опыта пленников и личного опыта автора в Особом лагере каменщиком.

Прообразом главного героя «Ракового корпуса» Олега Костоготова снова ста-

СТЕРЖНЕВАЯ СЛОВЕСНОСТЬ

Владимир
БОНДАРЕНКО

О прозе
Александра Солженицына

СЧЕТ N° 1700835

А. И.
СОЛЖЕНИЦЫН.
Весна 1944-го.
В блиндаже,
недалеко
от Гомеля,
создавалась
«Женская повесть».

новится сам автор, бывший фронтовик, ныне сильный, приехавший в онкологический диспансер умирать, но — выживший...

После Особого лагеря Солженицын попадает в ссылку в Казахстан, где и обнаруживается у него рак.

«Это был, — отмечал он, — страшный момент моей жизни: смерть на пороге освобождения и гибель всего написанного, всего смысла прожитого до тех пор... Однако я не умер (при моей безнадежно запущенной остроумнокачественной опухоли это было Божье чудо, я иначе не понимал. Вся возращенная мне жизнь с тех пор — не моя в полном смысле, она имеет вложенную цель)».

После освобождения писатель едет в полюбившуюся ему среднюю Россию работать школьным учителем. Там и встречается Солженицын с русской крестьянкой Матреной, судьба которой и легла в основу рассказа «Не стоит село без праведника», позднее переименованного в «Матренин двор».

«Рассказ, — свидетельствует снова автор, — полностью автобиографичен и достоверен. Жизнь Матрены Васильевны Захаровой и смерть ее воспроизведены как были. Истинное название деревни — Мильцево, Курловского района, Владимирской области... При напечатании по требованию редакции год действия 1956-й подменялся 1953-м, то есть дохрущевским временем».

Герои Александра Солженицына не замечаются многими авторами новой лагерной прозы. В избранничестве своем, в своем мученичестве они, — герои А. Рыбакова и В. Гроссмана, Е. Гинзбург и А. Разгона — общаются только с себе подобными, лишь изредка, по необходимости, обращаясь к Иванам Денисовичам и Матренам. Потому и ответил Александр Солженицын на вопрос, почему он пишет о простых людях, что интеллигенты и сами о себе пишут, а кто скажет правду о самом народе?

Это и есть — по-солженицынски — отобранный круг произведений. Если хотите — его первый круг. Где герой — один и тот же: русский народ. Это третье и главное, что объединяет выбранные нами произведения.

Знайки творчества А. Солженицына скажут, что, исходя из принципа автобиографичности, в сборник можно было бы включить и роман «В круге первом» действие которого происходит в той самой научной «шарашке», где писатель провел три первых года «каторжничества». Но нам, во-первых, не позволил бы это сделать объем романа. А во-вторых, «В круге первом» — в целом о другом, нежели отобранные нами произведения. Он — о поведении интеллигента в трагической ситуации. О праве выбора нравственного поведения в любых условиях. И только одним героем роман соприкасается с главной темой нашего сборника — мужиком Спиридоном.

Солженицын не прилагал усилий укротить в научной «шарашке», с презрением

вича с такой психологической глубиной невозможно было бы передать, не будучи самому крестьянского рода.

Родился Александр Исаевич в декабре 1918 года в Кисловодске. Отец и мать происходили из крестьян.

«Деды мои, — рассказывает сам писатель, — были не казаки, и тот и другой — мужики. Совершенно случайно мужицкий род Солженицыных зафинсирован даже документами 1698 года, когда предок мой Филипп пострадал от гнева Петра I... А прапрадеда за бунт сослали из Воронежской губернии на землю Кавказского войска. Здесь, видимо, кан бунтаря, в казачьи не повертели, а дали жить на пустынных землях. Были Солженицыны обыкновенные ставропольские крестьяне... Большая семья, и работали все своими руками».

Перед войной Александр Солженицын с отличием закончил физико-математический факультет Ростовского университета. Два последних года параллельно учился на заочном отделении филологического факультета Московского института истории, философии и литературы. С 18 октября 1941 года в армии. Окончил артиллерийское училище. С 1942 года до своего ареста в феврале 1945 года сражался на фронтах. «Подразделение Солженицына было лучшим в части по дисциплине и боевым действиям». Арестован за критические высказывания о Сталине, содержащиеся в письмах к товарищу. Осужден на восемь лет. Из них — первые три года провел в так называемой «научной шарашке» — тюремном НИИ, а последние четыре — на общих работах в политическом Особлаге. Это свое изгнание из привилегированной «шарашки» Солженицын тоже определяет «неслучайным». Можно и в лагерях, всю жизнь отсижив, не узнать народ, не понять его и даже стать враждебным ему, защищая свои «придурочные» привилегии. Вос-

Возвращение творчества Александра Солженицына на Родину было неизбежно, но то, что это происходит при жизни писателя, — вдвойне радостно для всех. И безусловно — это тоже относится к тем земным радостям, которыми одаривал прозаик своих героев.

СОСТАВЛЯЯ сборник прозы Солженицына, предоставляя нашему читателю возможность спустя более двадцати лет впервые прочитать или перечитать «Один день Ивана Денисовича», «Матренин двор» и повесть «Раковый корпус», я не случайно выбрал именно эти произведения. Быть может, их органично дополнил бы рассказ «Захар-Калита».

Во-первых, художественно — это несомненно вершинные произведения автора и наибольшая степень художественной свободы. Думаю, при всей трагичности многих страниц писал Александр Солженицын эти произведения в охотку, радостно, раскрепощенно. Работа над «Архипелагом ГУЛАГ», а затем над «Красным колесом» — это исполнение долга перед народом. Это как раз та традиция русской литературы, когда отодвигается в сторону изысканная словесность и появляются «Выбранные места...» Н. Гоголя, «Не могу молчать» Л. Толстого, «Дневник писателя» Ф. Достоевского, «Остров Сахалин» А. Чехова, «Лад» В. Белова...

«Я не то что отбросил малую форму, — писал А. Солженицын, — я с удовольствием бы иногда отдыхал на малой форме, для художественного удовольствия — но не могу. Несчастным образом наша история сложилась так, что прошло 60 лет от тех событий, а настоящего святого большого рассказа о них в художественной литературе, да и в документальной,